

УДК 342.4

Андрей Александрович КОНДРАШЕВ,

заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор

legis75@mail.ru

КОНФЛИКТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

THE CONFLICT OF CONSTITUTIONAL VALUES IN THE THEORY AND PRACTICE OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA

Автор анализирует научные подходы к содержанию понятия «конституционная ценность» и предлагает новое определение, а также классификацию ценностей. В статье сделан вывод о том, что в последние годы появился серьезный дисбаланс между интересами личности и неким «общим благом» или публичным интересом. Конституционный Суд РФ встал однозначно на позицию приоритетной защиты интересов или ценностей государства, зачастую представляемых как интересы общества в охране индивидуальных ценностей.

The author analyzes the scientific approaches to the content of the concept of «constitutional value», and proposes a new definition, as well as the classification of values. The article concluded that in recent years there has been a serious imbalance between the interests of the individual and a certain “common good” or public interest. The Constitutional Court of Russia has unequivocally taken up the position of priority protection of the interests or values of the state, which are often represented as public interest in the protection of individual values.

Ключевые слова: конституционные ценности, конституционные основы, конфликт ценностей, конкуренция ценностей.

Keywords: constitutional values, constitutional foundations, conflict of values, competition of values.

Категория конституционных ценностей является сравнительно новой для российского конституционного права, так как в советское время эта категория практически не исследовалась в научной литературе. Но после принятия Конституции РФ в доктрине появились большое число исследований по названной проблематике. В настоящем времени можно выделить как минимум 4 подхода к содержанию конституционно-правовой ценности: 1) как правовой принцип [16, с. 75], 2) как социальный принцип [11, с. 23; 24], 3) как ориентир (идея, установка) [10, с. 32] и 4) как цель государства и общества [20, с. 127; 22, с. 155].

Так как формат данной статьи не позволяет сделать подробный разбор теоретических позиций авторов, определим свое отношение к такой категории, как «конституционная ценность». Представляется, что конституционные ценности не только носят правовой характер, но и частично включают в себя общечеловеческие, морально-нравственные и цивилизационные ориентиры. Поэтому говорить, что конституционные ценности – это принципы, определяющие государственность, несколько некорректно. Например, разве можно говорить о том, что такая ценность, как «социальное государство», определяет только вектор государствен-

ного развития? Аналогично слишком узко и беспредметно говорить о ценностях только в контексте некоей идеальной нормы, определяющей общие приоритеты развития и защиты общественных отношений в разных сферах жизни. Думается, что отождествление ценности и цели контрпродуктивно, так как низводит ценности до абстрактных и не всегда реализуемых целей...

По нашему мнению, конституционные ценности представляют собой общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия.

Представляется, что система конституционных ценностей может быть представлена в виде определенной иерархии следующего набора конституционных основ и принципов: во-первых, это права и свободы человека и гражданина как высшая ценность и иные ценности, определяющие правовое положение индивида в обществе и государстве (принцип равенства, неотчуждаемость прав и свобод, свобода личности, охрана достоинства личности); во-вторых, это ценности государственно-правового характера (правовое государство, разделение властей, самостоятельность местного самоуправления, суверенитет, народовластие, республиканская форма правления, федеративная и демократическая государственность); в-третьих, ценности экономико-социального развития (социальная государственность, единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, равная защита форм собственности); в-четвертых, ценности духовно-идеологического содержания (идеологический и политический плюрализм,

светское государство); в-пятых, ценности в основном нравственного и общесоциального характера (стремление к счастью, вера в добро и справедливость, утверждение гражданского мира, любовь к отечеству, утверждение достойной жизни).

Еще одной дискуссионной проблемой является источник закрепления конституционных ценностей в тексте самого Основного закона. Так, по мнению одних авторов, ценности содержатся только в основах конституционного строя (глава 1): демократическое, федеративное, правовое и социальное государство, разделение властей, парламентаризм и т.д. [14, с. 3] Другие авторы полагают, что категория «конституционной ценности» прослеживается в верховенстве права, справедливости [28, с. 3; 23, с. 7], нравственности, здоровье, правах и законных интересах людей, обороноспособности и безопасности российского государства [18, с. 191] (т.е. содержатся в главе 2 Конституции РФ).

Думается, что конституционные ценности содержатся не только в главе 1 «Основы конституционного строя», но также в преамбуле и главе 2 Конституции РФ. Кроме того, не следует забывать, что конституционные ценности могут создаваться в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия и в результате системного толкования в доктрине «общих конституционно-правовых установок», а также из международно-правовых принципов. Например, такие ценности, как право народа на сопротивление угнетению или периодическая сменяемость власти, вытекают из общего толкования (причем осуществляемого отнюдь не Конституционным Судом РФ) ст. 1, 3 и 10 Конституции РФ.

По нашему мнению, можно говорить о существовании 4 групп ценностей, на основе такого критерия, как источник их фиксации:

- 1) ценности, закрепленные непосредственно в конституционном тексте (правовое государство, разделение властей и проч.);
- 2) ценности, выявленные в ходе интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ (правовая определенность, стабильность публичных правоотношений и др.);
- 3) ценности, вытекающие из подписанных

Россией международных договоров или имеющие характер международно-правовых принципов, так называемые наднациональные ценности (самостоятельность и отделение от государственной власти местного самоуправления, приоритет международных механизмов защиты прав и свобод граждан над национальными, право наций на самоопределение) [25, с. 77]; 4) ценности, вычленимые в ходе системного толкования конституционных норм-принципов учеными-конституционалистами (сменяемость власти, право народа на сопротивление власти, ответственность власти перед народом и др.) [17, с. 1387].

Если же говорить о классификации ценностей с точки зрения их иерархии, то следует выделить следующие группы:

1) «надконституционные» ценности (справедливость, порядок, добро), которые хотя и нашли закрепление в конституционной преамбуле, но не имеют нормативного содержания, а пронизывают всю конституционную ткань права в целом;

2) конституционные, фундаментальные ценности, зафиксированные в главе первой Конституции РФ (демократическое, социальное, правовое, светское государство, республиканская форма правления, федеративная форма государственно-территориального устройства (ст. 1, 7, 14)). Эти положения развиваются, они пронизывают все содержание Конституции [29, с. 1521];

3) «подконституционные» ценности, то есть ценности второго порядка, которые производны от содержания фундаментальных ценностей, запрограммированы их сущностью (право народа на сопротивление угнетению, сменяемость власти, ответственность власти перед народом), выявляемые в ходе доктринального толкования;

4) ценности судебного истолкования, то есть ценности, сформулированные Конституционным Судом РФ (правовая определенность [5], стабильность и определенность публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений [3] и др.).

Возможно и иное деление конституционных ценностей, на основе характеристики их природы:

1) нравственные фундаментальные ориентиры, которыми пронизывается все право, в том числе и все иные виды социальных ценностей (добро и справедливость);

2) общесоциальные догматы (гражданский мир и согласие, любовь к Родине, уважение прав и свобод);

3) ценности демократии, то есть участия народа в формировании и контроле за властью (народный суверенитет, прямая демократия);

4) ценности, охватывающие организацию государства и его институтов (разделение властей, суверенитет, федерализм, самостоятельность местного самоуправления);

5) ценности, определяющие автономию личности и коллегиальных образований в экономической сфере (равенство форм собственности, свобода экономической деятельности, поддержка конкуренции);

6) ценности автономии гражданского общества и невмешательства государства в деятельность общественных институтов (многопартийность, свобода деятельности общественных объединений, политический плюрализм);

7) ценности, определяющие автономию личности во взаимоотношениях с государством и гарантии реализации его свободы (признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, равенство перед законом и судом);

8) ценности международного общения и сотрудничества (примат международного права над национальным, приоритет прав и свобод человека и гражданина и механизмов их международной защиты над государственным суверенитетом и возможностями их ограничения со стороны государства);

9) ценности приоритета личных прав и свобод над интересами государства и общества (презумпция невиновности, запрет повторного осуждения, отказ от дачи показаний и др.)

Конкуренция и столкновение ценностей в российской действительности на примере дел, рассмотренных Конституционным Судом РФ

Еще один вопрос, являющийся дискуссионным в научной литературе, который касается построения определенной иерархии ценностей в зависимости от их значимости в правовой системе. «Аксиология свидетельствует, что всякий мир ценностей отличается таким существенным свойством, как иерархичность, то есть неравной самооценностью отдельных ценностей, и потому определенным порядком расположения по вертикали “сверху вниз” – от “высших” к “низшим”» [21, с. 111].

Конечно, конституционные ценности не могут быть равнозначны как с позиции места в системе социальных регулятивных связей, так и с точки зрения важности для общества тех отношений, которые охраняются той или иной ценностной установкой. С другой стороны, отнюдь не всегда возможно построить четкую иерархию ценностей, так как всегда будет существовать конфликт или конкуренция между ценностями индивидуального порядка и так называемыми «коллективно-государственными» ценностями.

Конкуренция конституционных ценностей – это столкновение в рамках конкретного правоотношения ценностей, регулирующих различные сферы общественных отношений. Как отмечает И.А. Карасева, «выбор приоритетной из конкурирующих конституционных ценностей является важнейшей проблемой современной правоприменительной практики. Рациональный, подчиненный определенному алгоритму выбор той или иной ценности, как правило, происходит с учетом иных (не конкурирующих в конкретном случае) конституционных ценностей, таких, в частности, как принципы верховенства права, правового государства» [16, с. 76].

Следует согласиться с С.П. Мавриным, что вертикальная систематизация ценностей обязательно влечет их распределение по разным уровням иерархии, рождая тем самым излишне жесткую дифференциацию этих ценностей на те, которые относятся к особо значимым, составляющим их первый эшелон,

просто значимым, менее или более значимым или вообще малозначительным, составляющим второй эшелон данных ценностей, третий и т.д. [19, с. 12]

Действительно, в большинстве случаев вертикальная дифференциация конституционных ценностей не дает положительного результата, так как крайне сложно определить, какая ценность все же выше и, самое главное, какие критерии при этом следует брать в расчет. Но это правило не работает в случаях, когда мы имеем дело с противопоставлением интересов государства, его ценностей и охраны автономии личности, защиты личных и гражданских прав человека. К сожалению, за последнее десятилетие в России сложилась устоявшаяся практика (причем закреплённая решениями Конституционного Суда РФ) приоритета именно государственных интересов (ценностей) над ценностями личного характера (свобода, достоинство, неприкосновенность частной жизни).

Еще в 1995 г. в особом мнении эту идею подробно раскрыл судья Конституционного Суда РФ Н.В. Витрук. Он совершенно правильно отметил, что однопорядковыми можно считать такие ценности, как равноправие и самоопределение народов, незыблемость демократической основы российской государственности, государственного суверенитета и безопасности, государственной целостности и территориального единства и других. Но при этом именно Конституция РФ в ст. 2 закрепляет первенство (приоритет) принципа уважения свобод человека и гражданина, достоинства человека, его жизни, свободы, других человеческих ценностей. [6]

Некоторые судьи Конституционного Суда РФ (далее по тексту также Суд) на протяжении 2000-х годов также критиковали решения Суда именно из-за активной защиты публичных ценностей за счет принижения и неучета индивидуальных ценностей. Так, в особом мнении судьи А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации указывается, что Суд «допустил беспрецедентное смещение ценностей в сторону публичных, и прежде всего государственных, интересов в пользу репрессивного

характера права. Употребляемая неоднократно Конституционным Судом РФ формула о балансе частных и публичных интересов, по нашему мнению, искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравнивание, равнозначность интересов отдельной личности и государства, что заведомо ставит личность в подчиненное и незащищенное положение, деформирует само понятие правового государства. Конституция говорит не о балансе, а о предпочтении гуманитарных ценностей» [2].

При этом Конституционный Суд РФ в своих решениях активно руководствовался приоритетом именно публичных, коллективно-государственных ценностей в ущерб защите личных прав граждан, гуманитарная составляющая в решениях, принятых Судом за последние 15 лет, сдвинута в сторону приоритетной защиты именно государственных интересов, которые рассматриваются как защита общественных потребностей. Поэтому можно расценивать принцип баланса частных и публичных интересов, декларируемый Конституционным Судом РФ, как в значительной мере фиктивный.

Это можно продемонстрировать ссылкой на два достаточно резонансных дела, рассмотренных Конституционным Судом РФ в последние несколько лет.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П [1] был, как и обычно, заявлен тезис о балансе конституционно значимых ценностей, но при этом Суд указал, что индивидуальную автономию (право на ту или иную сексуальную ориентацию) можно ограничивать в части распространения информации, «если она приобретает агрессивный, навязчивый характер и способна причинить вред правам и законным интересам других лиц, прежде всего несовершеннолетних, и является оскорбительной по форме». Но Суд вообще устранился от оценки того, какого рода информация в рамках указания на сексуальную ориентацию может носить агрессивный и навязчивый характер. Самое парадоксальное, что Суд сам признал, что «возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в на-

вязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной».

Суд пришел к выводу, что становление пределов осуществления свободы слова и свободного распространения информации обусловлено «необходимостью обеспечения баланса интересов всех членов российского общества – как разделяющих общепризнанную систему ценностей, так и ориентированных на иные, отступающие от традиционных, модели поведения, и относится к дискреционным полномочиям законодателя, который призван согласовывать осуществляемое им нормативно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина с представлениями, сложившимися в обществе в конкретно-исторических условиях его развития». Иными словами, именно государство определяет на основе абсолютно неясных и субъективных критериев «конкретно-исторических условий», до каких пределов можно ограничивать право на свободу слова, на уважение достоинства личности и прочие личные права, определяющие автономию индивида, фактически дискриминируя и унижая права лиц, придерживающихся негетеросексуальной ориентации.

В не менее известном решении по так называемому «делу об иностранных агентах» [9] Конституционный Суд РФ, обосновывая конституционность установления дополнительных обязанностей организаций – иностранных агентов (прежде всего в качестве самостоятельной регистрации в качестве иноагентов), пришел к выводу, что эта обязанность «как по содержанию, так и по последствиям, на наступление которых она рассчитана, не ограничивается собственными (внутренними) нуждами некоммерческой организации, а со всей очевидностью затрагивает как публично-правовые интересы в целом, так и права и свободы всех граждан». Но главный вопрос опять остался без ответа – а зачем обществу или государству знание о том, что денежные средства получены из иностранного источника? Публичный интерес не в том, откуда пришли средства, а на какие цели и законно ли эти средства будут потрачены. Суд же усмотрел публичный интерес в «политической деятельности, имеющей

целью оказание воздействия на содержание решений органов государственной власти и проводимую ими государственную политику, а также на формирование соответствующего общественного мнения». С нашей точки зрения, это никакой не публичный или общественный интерес, а, наоборот, провоцирование вражды и разделение организаций, содействующих удовлетворению общественных потребностей, на «вражеские» (иностранцы агенты) и «патриотические» (получающие внутреннее финансирование). Любая общественная организация ставит цели формировать соответствующее общественное мнение и влиять на ту или иную государственную политику, проводимую в соответствующей сфере общественных отношений. Политическая деятельность, как понималась такая деятельность применительно к законодательству о выборах в течение 1990-2000-х годов, – это именно участие в выборах и соответствующих избирательных действиях, а не что-то иное. Попытки Конституционного Суда РФ привести доказательства этой самой политической деятельности, например «публичные выступления ее руководителей, содержащие призывы к принятию, изменению или отмене тех или иных государственных решений, уведомления о проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования, направленные данной некоммерческой организацией в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, подготовка и выдвижение законодательных инициатив, а также другие проявления социальной активности», отнюдь не являются достоверно верифицируемыми, обоснованными и характеризующими именно определенную политическую направленность. На основе этих признаков любую общественную организацию можно признать занимающейся политической деятельностью.

В условиях отсутствия в законе определения, что означает эта самая «политическая деятельность», правоприменители получили возможность признавать таковой вообще любую деятельность некоммерческой организации, связанную с проведением массовых акций, митингов, шествий, пикетов, критику политики государства, помощь гражданам в

защите своих прав, наблюдении за выборами и проч. Если посмотреть список этих самых иноагентов (в нем на данный момент 73 организации, но на пике активности Минюста их было более 150), то там находятся в основном правозащитные и экологические организации, активно критикующие решения тех или иных государственных органов. [26, с. 13]

Краткие выводы

Конечно, тезис о возможности установления одобряемого обществом баланса конституционных ценностей является идеалистичным, если не сказать утопичным. Даже председатель Конституционного Суда РФ не скрывает, что он в своей практике исходит из теории «оптимальной реализации» Конституции РФ, учитывающей имеющиеся, с его точки зрения, в России возможности воплощения в жизнь конституционных идеалов. [13, с. 364] Более того, в недавней статье В.Д. Зорькин сформулировал крайне спорное доктринальное положение, согласно которому «права меньшинств могут быть защищены в той мере, в какой большинство с этим согласно» [12, с. 15]. Тем самым можно сделать вывод, что баланс как таковой найти практически невозможно и, более того, защищены могут быть только ценности публичные (охраняющие исключительно интересы большинства, а это уже что-то из концепции тоталитаризма-фашизма). Европейский подход исходит из другого постулата – первичны индивидуальные ценности (свобода, достоинство, равенство), а иные ценности все же носят подчиненный, во многом производный характер. В частности, подтверждением данному утверждению о первичности ценности именно достоинства человека применительно к общеевропейской системе фундаментально-правовых ценностей может служить преамбула Хартии основных прав Европейского союза (принята Европейским парламентом 7 декабря 2000 г. в г. Ницце (Франция)), в которой зафиксировано: «Европейский союз основывается на неделимых и всеобщих ценностях – достоинстве человека, свободе, равенстве и солидарности, он опирается на принципы демократии и правового государства».

В настоящее время в российском правовом поле доминирует примат так называемых публичных, «огосударствленных» ценностей над индивидуальными всеобщими ценностями, что ведет к девальвации и деформации ценностей как мерил права в качестве всеобщей (универсальной) справедливости. Как совершенно справедливо отмечается в литературе, «деформация конституционных ценностей может привести к воспроизводству ценностей в искаженном виде» [15, с. 75].

В последние годы (хотя для России это было характерно всегда) особенно выявился серьезный дисбаланс между интересами личности и неким «общим благом» или публичным интересом. Конституционный Суд РФ встал однозначно на позицию приоритетной защиты интересов или ценностей государства, зачастую представляемых как интересы общества. Это подтверждается и резким расхождением практики Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Особенно явно это проявилось в так называемом деле К.А. Маркина, когда Конституционный Суд РФ поставил интересы поддержания гипотетической обороноспособности российской армии выше, чем ценности воспитания отцом-военнослужащим ребенка в рамках отпуска по уходу за ребенком, предусмотренного нормами российского законодательства как для матерей, так и для отцов. Также сложно оценить как обоснованные и справедливые, а также соответ-

ствующие точному смыслу ст. 2 Конституции РФ доводы Конституционного Суда в деле о запрете государственным служащим критиковать деятельность органов государственной власти. [8] Аналогично сложно признать соответствующей приоритетному догмату о защите личностной автономии и позицию Конституционного Суда РФ по делу об установлении ограничений для работы в детских учреждениях для лиц, имеющих судимость или даже факт уголовного преследования за избыточно широкий перечень преступлений. [4]

Фактически мы наблюдаем как в практике Конституционного Суда РФ, так и в деятельности правоприменительных органов утрату содержания индивидуальных ценностей, их поглощение некими абстрактными, общими интересами общества и государства. И так называемое «взвешивание», определение баланса актуальных конституционных ценностей оказывается вообще недостижимым и попросту фиктивным. В российской правовой реальности происходит активный процесс вытеснения гуманитарных, индивидуальных ценностей ценностями, которые им в значительной мере не коррелируют – публичными ценностями, которые во многом сводятся к утилитарному обеспечению безопасности государства, укреплению его обороноспособности и защите интересов некоего «абстрактного общественного большинства».

Библиографический список

1. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова : постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 40 (Часть III). – Ст. 5489.

2. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3200.

3. По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат "Североникель"», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт"» и гражданина А.Д. Чулкова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2409.

4. По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 30. – Ст. 4189.

5. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2686.

6. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

7. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1656.

8. По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20 1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина : постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.

9. По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева : постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 16. – Ст. 1921.

10. Алексеев, А.П. Ценности в российском конституционном праве / А.П. Алексеев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 1 (32).

11. Ереклинцева, Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Ереклинцева. – Челябинск, 2010.

12. Зорькин, В.Д. Буква и дух Конституции / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – 9 октября. – Федеральный выпуск № 7689 (226).
13. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М., 2010.
14. Зорькин, В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2008. – № 12.
15. Казанцева, О.Л. Об особенностях юридической природы конституционных ценностей как категории российского права / О.Л. Казанцева // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2013. – № 10.
16. Карасева, И.А. Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государств / И.А. Карасева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4.
17. Комарова, В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) / В.В. Комарова // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1-8.
18. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. – М., 2007.
19. Маврин, С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3.
20. Мамонов, В.В. Конституционные ценности современной России / В.В. Мамонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93).
21. Матвеев, П.Е. Моральные ценности : монография / П.Е. Матвеев. – Владимир: Владим. гос. ун-т., 2004.
22. Пермиловский, М.С. Конституционно-ценностное содержание права на благоприятную окружающую среду / М.С. Пермиловский // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Т. 154. – Кн. 4.
23. Пресняков, М.В. Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей / М.В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 16.
24. Ройзман, Г.Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей / Г.Б. Ройзман // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 1 (256).
25. Рудт, Ю.А. Влияние конституционных универсальных ценностей на развитие национальных конституционных ценностей в России / Ю.А. Рудт // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2013. – № 10.
26. Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента // Информационный портал Министерства юстиции РФ. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.
27. Снежко, О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России / О.А. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2.
28. Таева, Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей / Н.Е. Таева // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5.
29. Чиркин, В.Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. / В.Е. Чиркин // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12.